Текст · 18 марта 2025, 08:43
Ольга Ромашова,

«Там все мои предки». Жители Курской области — об оккупации, помощи от властей и планах вернуться домой

На прошлой неделе Минобороны России отчиталось об освобождении города Суджи, захваченного ВСУ в августе 2024 года. Во время наступления украинской армии большинство жителей Суджи и приграничных поселков и деревень покинули свои дома, но теперь многие собираются вернуться, несмотря на разрушения и продолжающиеся бои. «Медиазона» расспросила их о причинах.

В начале августа 2024 года украинские войска пересекли границу с Россией и захватили несколько поселков в Курской области, а в середине месяца установили контроль над городом Суджей. Киев рассчитывал, что этим усилит свои позиции на возможных переговорах. Так, в начале февраля 2025 года президент Украины Владимир Зеленский говорил, что готов «обменять одну территорию на другую».

Часть Курской области была под оккупацией семь месяцев, пока США не приостановили помощь Украине и обмен разведданными с ВСУ. В итоге российские военные смогли провести успешное контрнаступление: 8 марта они прорвались к Судже с севера всего за один день. 13 марта Минобороны России объявило о полном освобождении города и его окрестностей.

Накануне в официальной группе Суджи во «ВКонтакте» запустили опрос, чтобы «спрогнозировать потребности города и спланировать необходимые ресурсы для его возрождения». Опрос анонимный, в ответ на вопрос о возвращении в город большинство респондентов (почти 80%) ответили «да». Выбравших вариант «нет» попросили объяснить свою позицию в комментариях.

Некоторые жители написали, что боятся за детей, другие говорят, что на восстановление города уйдет слишком много сил, третьи опасаются нового вторжения. Поговорившие с «Медиазоной» жители Курской области объяснили, почему они планируют вернуться, несмотря на то, что их дома сильно пострадали за время боев.

«У людей все покрали, полностью». Александр, 46 лет, из поселка Коренево, где не было ВСУ

Дом взорвали, живу на квартире в Курске теперь, что там рассказывать? Многодетная семья, ну. Мы с семьей выехали, жена 6 [августа], я 7-го с работы, а потом [дом] взорвали. Солдаты знакомые, из

нашего ополчения, прислали фотографию. Одна стена осталась. Хохлы ехали мимо моего дома, хотели прорваться, поэтому, наверное, и хата взорвалась. Попалась так, потому что у меня дом крайний, возле асфальта, возле центральной дороги.

[Планируем] домой возвращаться. Кто взрывал, тот пусть и строит. Мне дали в прокуратуре военной акт о полной потере имущества. Я не знаю, что там у них будет получаться [по компенсации].

Я там родился, вырос. Как разрешат вояки, так мы и поедем. [В Курске] мучались, а не жили. Да потому что тут, знаете, сколько жилье стоит? У меня четверо детей. На работу устраиваемся, чтоб заработать и заплатить. [Власти] выделяют гуманитарку. Что там, тушенки дадут, которую солдаты, наверное, не едят. Постоянно [выделяют]. Ну а что еще?

Родители у меня [в Коренево]. Ну как, прячутся, так и переживают [обстрелы]. Иначе [если уедут] все растянут. У людей все покрали, полностью. Родители выезжали, потом назад поехали в конце сентября, потому что там началось мародерство. Больше не уезжали, они до сих пор там. У них только разбили со двора окна, но вытянуть ничего не успели, поэтому родители там и остались.

Кто-то продает хлеб, они идут за хлебом, если дроны — прячутся, пережидают. Стреляют, никто не знает, то ли наши, то ли не наши, все гремит. Как я вам скажу, если я там не был? Я поехал в ноябре, на развалины [поселка] поглядел, и все.

«Мы себя морально настраиваем на то, что дома нет». Любовь, 34 года, из Суджи

Конкретно я планирую с семьей [возвращаться], но было обращение губернатора, что пока временно проезд туда запрещен — разминирование, зачистка и все такое, то есть гражданским пока нет проезда в эту зону. Мы планируем возвращаться, это наш дом, в каком бы состоянии он там сейчас ни был. Но у нас ребенок-дошкольник, нужно какое-то минимальное восстановление инфраструктуры — газ, свет, вода, а восстановление жилья — это уже следующий этап. Пока даже рано об этом думать.

Понятно, что, особенно с учетом детей, это какие-то риски. Все там разминируют подчистую или что-то останется? До сих пор какое-то эхо Великой Отечественной войны, нет-нет да где-то что-то по лесам детонирует. А здесь понятно, что все это — вот оно, падало. Надеемся, что все разминируют более-менее качественно. Мы до августа жили под обстрелами и взрывами без малого три года. Мы к этому уже привыкли, это фоном как-то идет. Ну, что-то где-то прилетело, ну, что-то где-то хлопнуло. Конечно, есть опасения, особенно за детей. У кого-то страх до такой степени, что это совсем ставит крест на возвращении.

Фото: СУДЖА РОДНАЯ / Telegram

Все время в ожидании, в постоянной слежке за новостями. Ребенка в сад устроили, сами работать пошли, съемное жилье. Нам очень повезло с арендодателями, нам попались очень хорошие люди, которые не стали с нас драть три шкуры, как это было в Курске [у других беженцев], когда задрали аренду просто до каких-то предельных высот. Нам сдали по адекватной цене. Конкретно нам не полагается сертификат, у нас сложная ситуация с жильем, мы не успели зарегистрировать дом на момент всех этих событий.

Фоном все это время какая-то тоска от того, что ты видишь, что с твоим городом происходит, изо дня в день разрушений все больше и больше, оставшиеся там люди в оккупации. В общем, такое состояние вечного ожидания, что вот сейчас что-то закончится и можно будет домой ехать.

Власти Курской области пообещали обеспечить жилищными сертификатами людей, потерявших дома из-за боевых действий. По ним государство будет выделять деньги на покупку или строительство нового жилья взамен утраченного. Любовь рассказала, что им такой сертификат не положен, потому что они не успели оформить собственность на дом, который строили в ипотеку. Они все еще должны денег банку, хотя и не знают, уцелел ли их дом. В банке им согласились только предоставить отсрочку по платежам.
Еще в качестве мер поддержки были выплаты от государства. Любовь рассказала, что в сентябре власти выделили 10, 15 и 150 тысяч рублей на человека. В ноябре чиновники предложили

беженцам получить частичную компенсацию за аренду жилья, однако, по словам Любови, не все арендодатели на это пошли. В феврале власти ввели регулярную выплату в 65 тысяч рублей для беженцев, но неясно, будут ли ее выплачивать и дальше, раз Суджа была освобождена.

Ситуация очень неприятная [с домом], потому что столько вложено сил, средств и времени, и вот мы снова у разбитого корыта. Мы надеемся, [что дом уцелел] но не сильно надеемся, потому что приехать, как это только будет можно, и увидеть, что его нет, — это будет шоком, конечно. Поэтому мы себя немножко морально настраиваем на то, что, может быть, его нет.

Что-то делается только после пинка, откровенно говоря. До ноября вот эти единовременные выплаты были — и все затихло, все делали вид, что ничего не происходит, что этих 150 тысяч беженцев нет. 10 ноября жители Суджанского района выходили на Красную площадь [в Курске]. Там требования разные, у кого что: кто просто от тоски, кто с конкретными какими-то требованиями. После этого начался сдвиг с выдачей сертификатов. Начали принимать заявления, начали давать сертификаты, что-то с мертвой точки сдвинулось. Там еще были выходы Рыльского района, Большесолдатского, Глушковского.

Фото: СУДЖА РОДНАЯ / Telegram

В январе Суджанский район еще раз выходил, выходил на площадь губернатор [Александр Хинштейн], прям снизошел, всем все пообещал. После встречи все затихло, потом объявили выплаты в 65 тысяч. Вроде что-то и делается, но если вникнуть и вдуматься, какой масштаб вообще трагедии, местами отношение безразличное. Никто в стране с таким не сталкивался, как пришлось столкнуться Суджанскому и прилегающим районам. Общим фоном все делают вид, что ничего особенного не случилось, ничего не произошло и живем как жили, хотя это немножко не так.

«Там мои все бабушки, дедушки, брат, племянник, который на СВО погиб». Игорь, 59 лет, из Суджи

Мы уехали 6 августа, мы там не были. Будем [возвращаться]. Мы уже давно ничего не боимся. Все разрушено частично. Пока очень медленно власти помогают [с восстановлением]. Все на нулевом этапе. Надеемся, что все-таки повернутся они лицом к народу, не все время ж задом, когда-нибудь и передом пусть будут.

Почему [важно вернуться]? Там мой дом родной, там моя родина, там мои все предки, прадеды, бабушки, дедушки, брат, племянник, который на СВО погиб. Там все свое, родное.

Родители там оставались, вот 15 [марта] я их оттуда вывез. Ну как, пережили [оккупацию], слава богу. Рассказывали, что хохлы их не обижали. Нацики, наемники плохо себя вели,

а Нацгвардия, тероборонovские, те относились по-людски. Лекарства давали, и кушать давали, и воду, и хлеб, помогали. Короче, нормально было, не обижали.

На прошлой неделе Следственный комитет возбудил дело из-за гибели четырех человек в селе Черкасское Поречное. Ведомство утверждает, что на их телах обнаружили следы пыток. В начале февраля СК также сообщал об уголовном деле из-за убийств жителей соседнего села Русское Поречное.

Издание «Агентство» при этом обращало внимание на противоречия в сообщениях о «зверствах» ВСУ в Курской области. Власти Украины, в свою очередь, называют обвинения украинских военных в убийстве мирных жителей ложью.

Некоторые пережившие оккупацию суджане тоже говорят, что к ним не применяли насилия. «Среди первых штурмовиков, которые тогда зашли к нам в квартиру, был парень, который сказал, что защитит нас от "путинского режима": "Все будет хорошо, не волнуйтесь. Мы не воюем с мирным населением, женщин не насилуем, мы не убиваем детей, как ваши российские войска". Он говорил это нам и плакал», — рассказывала жительница Суджи Елена журналистам «Берега».

По ее словам, иногда бойцы ВСУ, наоборот, помогали мирным россиянам с едой и лекарствами.

«Может быть, где-то и происходили какие-то нюансы, но нас никто не трогал, это были адекватные ребята. Бить не били, ругать не ругали. Вскрывали квартиры, гаражи, вывозили машины — да. Думаю, брали какие-то ценные вещи из пустых

> квартир. Но это война, на войне, думаю, всегда такое бывает», — говорила женщина.

Связи [в Суджи] не было, откуда там связь. [Мы знали] только то, что хохлы рассказывали. Журналисты там постоянно ездят. Комендант [украинской военной администрации] Суджи периодически видео выставлял, там отец мелькал, маму не видел, отец подходил там, где гуманитарку и лекарства выдавали.

Редактор: Анна Павлова